

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3–5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

при всей своей простоте и живости, не возбуждают того чувства, какое возбуждают, например, песни Беранже.

По мнению Добролюбова, литература должна иметь истинно народный характер, а этого можно добиться только тогда, когда каждое событие будет рассматриваться с точки зрения пользы для народа. Чтобы литература стала богатством народа, надо провести реформы, отменить остатки крепостного права и устранить отсталые пережитки в самом народе. Народ, по Добролюбову, — это основной рабочий класс, то есть революционный класс. А народность, в глазах Добролюбова, имеет характер классовости и революционности.

Народность и национальность, — это основные темы в русской литературе. Но их понимание у писателей и критиков различно. Причем сначала писатели и критики писали в основном о национальности именно как народности в литературе, но позже постепенно осознали, что национальность и народность в литературе различны, хотя и связаны.

Примечания

1. *Карамзин Н. М.* Собр. соч.: в 2 т. М., 1964. С. 238–239.
2. *Целкова Л. Н.* История русской литературной критики М., 2000. С. 52.
3. *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 272.
4. *Надеждин Н. И.* Указ. соч. С. 274.
5. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1953. С. 33.
6. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. М., 1984. С. 36.
7. *Некрасов Н. А.* Поэт и гражданин. М. 1982. С. 209.
8. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1959. С. 638.
9. *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 638.
10. *Целкова Л. Н.* История русской литературной критики М., 2000. С. 208.
11. *Целкова Л. Н.* Указ. соч. С. 209.
12. Барт Ролан. Избр. работы. М., 1989. С. 112.
13. *Пипер Л.* Мировоззрение Герцена: историко-философский очерк. М., Л., 1935. С. 59.

М. В. ШАПЕНКОВА

Национальное своеобразие русалочьего сюжета в русской словесной культуре первой трети XIX в.

Подробно описывается специфика образа русалки в национальном контексте на материале русской литературы 1800–1830-х гг. Выделяется ряд ключевых аспектов сюжета водяной девы: антропоморфизация, категория женственности, соотношения религиозного и языческого, а также двойственность.

Ключевые слова: образ русалки, национальная специфика, русская литература первой трети XIX в.

Изучение истории русской литературы 1800–1830-х гг. позволяет выявить в художественных текстах большое количество образов, взятых из фольклора и мифологии. Обращение авторов к народной культуре, ее интерпретация и воплощение в различных родовых формах привело

к созданию особой оригинальной картины мира. В данном контексте выделяется русалочий сюжет, поскольку он конструирует особую художественную действительность и репрезентативен для всех родов литературы в разнообразных жанровых проявлениях. В качестве объекта исследования, таким образом, были взяты эпические, лирические и драматические произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, О. М. Сомова и Н. С. Краснополянского.

Образ водяной девы не был изобретением русской литературы. Европейская словесная традиция первоначально выстроила русалочий сюжет под влиянием эстетико-философских основ формирующегося в то время романтизма. Демонизм, двоемирие, природный и этический аспекты, раскрывшиеся в образе русалки, стали попыткой трансцендентного освоения внутреннего человека. При этих концептуально значимых векторах русская литература выработала свои ментальные модели сюжета водяной девы, отражающие национальный мирообраз.

Во-первых, особенностью русских произведений первой трети XIX в. с русалочьим сюжетом является попытка очеловечить мифологический персонаж. Демонические корни образа остаются важными, но постепенно они уходят на второй план. Антропоморфизация достигается авторами произведений при помощи нескольких способов.

В качестве первого способа стоит выделить построение системы персонажей: во всех произведениях мифологема водяной девы не существует в замкнутой системе других демонических героев, она постоянно находится на одном уровне с человеком. Примечательно, что в зависимости от рода литературы в этом плане выстраивается особая зависимость: так в лирике (одноименные стихотворения Лермонтова и Пушкина «Русалка») наблюдается тенденция к бинарности, то есть действуют два образа — образ человека и образ русалки. Можно говорить о том, что автор ставит знак равенства между лирическим героем и демоническим персонажем. В драматических произведениях (Краснополянский «Днепровская русалка», Пушкин «Русалка») и эпических (Гоголь «Майская ночь, или Утопленница» и Сомов «Русалка») мифологема русалки становится единичной, а число образов людей возрастает. В данном плане образ водяной девы трактуется как особый психический тип человека.

Из этой тенденции вытекает второй способ очеловечивания демонического персонажа, а именно — наделение его сложным психологическим комплексом. Особенно ярко это проявилось в гоголевской повести: при исследовании образа панночки встает проблема — а является она вообще русалкой или нет? Утвердительный ответ на данный вопрос мы даем лишь по косвенным признакам, по своим же нравственно-этическим установкам в ней доминирует то, что не характерно для водяных дев. Панночка не наделена чувством любви к мужчине, она жаждет справедливости, а также способна сделать благодарность за оказанную

ей помощь.

Во-вторых, национальная специфика русалочьего сюжета проявилась и на гендерном уровне. Образ женщины — русалки в произведениях 1800—1830-х гг. становится неким актом феминистической литературы: поэтов и писателей интересует сильный женский характер. Если обобщить все черты мифологем водяных дев в анализируемых произведениях, то наиболее устойчивыми стоит назвать такие, как непредсказуемость и жертвенность, причем в их взаимосвязи. В исследуемых драмах Пушкина и Краснопольского, повестях Сомова и Гоголя поведение из-за неразделенной любви заканчивается непредсказуемым актом самоубийства. Категория неожиданности в поведении также вносит особые коллизии в событийные ряды.

Жертвенность как одна из ключевых характеристик образов русалок связана с этическим аспектом: в развертываемых сюжетах водяные девы приносят свои жизни на алтарь любовного чувства. Данная категория в ряде произведений («Русалке» Пушкина и «Днепровской русалке» Краснопольского) получает усложненное двойное звучание, поскольку в жертву приносятся и дети, которые еще не родились. Таким образом, русалочий сюжет в русской литературе первой трети XIX в. организует сложный женский образный комплекс, который органично встраивается в зарождающуюся идею вечной женственности.

В-третьих, принципиальное своеобразие реализации мифологемы водяной девы в русском контексте заключается в религиозном содержании. В европейской романтической традиции этот вопрос не стоит, поскольку рассматриваемый образ четко относится к сфере демонического. Особенность ментального содержания образа русалки, заключающаяся в сложном переплетении идеологии язычества и христианства, проецируется на сюжет водной девы в словесности. В самой мифологической основе данного образа уже наблюдается тенденция глубинного синтеза этих двух социокультурных векторов. Репрезентативный смысл в этом отношении приобретает стихотворная повесть Жуковского «Ундина». Анализируемые литературные произведения показывают, что бунтующее природное начало, проявляющееся при помощи концепции четырех стихий, уравнивается православным приятием своей судьбы. Стоит отметить также, что религиозные мотивы молитвы, покаяния и чуда в данном контексте исходят, как правило, от персонажей — людей, которые родственно близки русалкам: например, в «Русалке» Сомова мать Горпинки не раз обращается за советом к монахам, а в конце своей жизни и вовсе уходит в монастырь на служение Богу.

Данный аспект национального своеобразия особенно интересно проявился в стихотворении Пушкина «Русалка», которое было написано в 1819 г. Герой Монах как непосредственный носитель христианских догматов, был соблазнен демонической водяной девой и лишился своей

жизни. Религия и язычество здесь — две полярные формы жизненного поведения: аскетизм и буйство многогранных проявлений.

Четвертой характеристикой национального своеобразия русалочьего сюжета в русской литературе 1800–1830-х гг. является понятие двойственности, которое объединяет и включает в себя все выше выделенные аспекты. Начиная с положения изучаемой мифологемы в пространстве (между водной и земной стихиями) и заканчивая нравственными установками сюжетных коллизий (любовь и ненависть), образ водяной девы и событийный ряд содержат в себе абсолютно противоположные и в то же время принципиально близкие аспекты. Двойственность для русалочьего сюжета является той точкой, в которой зарождается категория фантастического. Наиболее яркими и выразительными проявлениями нереально-сказочного являются: ойнерическое пространство, где сон приравнивается бодрствующей жизни («Русалка» Лермонтова, «Майская ночь» Гоголя), а также феномен двойничества в системе персонажей («Днепровская русалка» Краснопольского).

Русалочий сюжет в русской литературе первой трети XIX в., таким образом, стал именно тем отражением и транслятором ментальных установок, которые принципиально значимы для характеристики русского национального миробраза. Это и стало причиной того, что к образу водяной девы в своих произведениях обращались многие писатели, поэты и драматурги.